

Vladimir G. Chapron du Larre
1947

Владимир Шапрон дю Ларре. Воспоминания о России 1917–1923. Симбирск

Воспоминания Владимира Генриховича Шапрона дю Ларре, симбирского дворянина швейцарского происхождения, написаны на французском языке. Автор даёт подробное описание времени, которое стало переломным и для его судьбы, и для всей страны. Русский перевод воспоминаний публикуется впервые.

В.Г. Шапрон дю Ларре

Окончание. Начало в №3 за 2017 год

Временное Правительство стремилось мобилизовать молодёжь, но никто не являлся на призыв, тогда приказ был отдан старикам. Власти на местах сами были дезорганизованы, не обладали опытом проведения мобилизации войск, особенно после разложения старой армии. Газеты, которые я ещё получал, не давали истинного положения дел на фронтах, Временное Правительство распространяло ложные слухи.

Я видел возвращающихся в деревни моего уезда с фронта солдат или тех, кто шёл через уезд по направлению к Казани. Они шли через наши поля, самовольно брали лодки, чтобы переправиться на другой берег.

Однажды я был на берегу реки, когда группа старых артиллеристов пришла, чтобы переплыть через Урень. Я спросил их, что изменилось на фронте с началом революции, они мне ответили, что сейчас лучше, чем при царе, но их возвращение говорило об обратном.

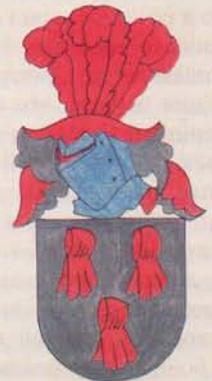
Впрочем, все молодые солдаты из Юрманки, которые возвращались с

фронта или из резерва, расположенного по всем губерниям России, приходили ко мне. Это была новая армия, которая пришла на смену старой, полностью уничтоженной врагом. К сожалению, Временное Правительство, вместо того чтобы использовать добрые намерения этих людей, вынудило их сформировать стихийные банды, которые потом большевики и использовали для свержения правительства Керенского.

У меня были и другие свидетельства. Например, молодой парень Емелин из Юрманки, прибывший из Петрограда, где он служил в императорском полку. Он против своей воли принял участие в революции, так как его Измайловский полк – резерв воюющего полка – выступил против старого режима вместе с другими пехотными полками. Но в его рассказах не было никакого энтузиазма, его пребывание здесь доказывало полное отсутствие интереса к происходящим событиям, его визиты ко мне свидетельствовали об отсутствии в нём бунтарского начала.

Также наш отличный повар Иван, который тоже вернулся с фронта. Пока он

воевал, его жена и шестеро детей жили у нас. Бедный Иван! Он мне рассказал всё, что узнал о новом режиме. Так, он запомнил наизусть одно из выступлений революционеров-пропагандистов, в котором критиковались все действия царей, начиная с Петра I и заканчивая Николаем II. Даже Александр II, который освободил крепостных, действовал, по рассказам Ивана, только в личных интересах со скрытыми це-

Герб рода Шапрон

лями. Под конец он принялся плакать, говоря, что в несчастьях моей семьи виноват царь. Иван был отличный повар, добрый честный малый, правда, недалёкого ума. Он повторял бездумно всё, что слышал. Уйдя с военной службы и вернувшись домой, он стал ярым контрреволюционером, когда почувствовал, что большевики хотят содрать с него шкуру. Он даже рисковал быть арестованным властями, отказываясь исполнять некоторые из их указаний.

Однажды я имел удовольствие познакомиться с новым начальником полиции. Этот чиновник Временного Правительства был бывший каторжник, освобождённый по приказу Керенского. Этот тип приехал навестить меня из любопытства, а также полагал, что сможет у меня выпить. Он был кривой, грязный, пьяный и в лохмотьях. К тому же от него разило «самогоном» (сорт водки, который крестьяне изготавливали сами). Я слушал этого бандита в течение трёх или четырёх часов, пока он не решил уехать. Он мне рассказал, что крестьяне моего района не слушаются, нападают на него, и он хотел поехать в Ставрополь просить отставки или присылки солдат. Наконец, он уехал, оставив меня в страхе вновь его увидеть.

В то время я был военнообязанным как солдат-резервист второй категории. После окончания кадетского корпуса я проучился три года в кавалерийском училище. Не будучи строевым офицером, я находился во втором запасе, который тогда призывают на фронт, «когда только будут мобилизованы все старые девы», — так мне говорил начальник резерва Симбирской губернии. Но Керенский уже мобилизовал всех женщин, которых смог, и отдал приказ мобилизовать резерв второй категории. Итак, я должен был прибыть в Симбирск, чтобы предстать перед специальной комиссией для вынесения решения о моей пригодности к военной службе. Я не хотел участвовать в таком эксперименте, зная членов этой комиссии как банду негодяев, испытывающих удовольствие, унижая людей, которые до революции были представителями другого социального сословия. Поэтому я решил отправиться на фронт добровольцем.

С этим намерением я отправился в Симбирск посоветоваться с моими дру-

В.Г. и Н.А. Шапрон дю Ларре с детьми, братом И.Г. Шапрон дю Ларре (сидит слева) и другом семьи

зьями военными. Случайно я встретил одного из моих старых знакомых — барона Шлиппенбаха¹, который приехал для того же. Он решил поехать в артиллерийскую батарею в Казань, надеясь на поддержку своего кузена капитана Корнаковского, который жил в этом городе. Он мне посоветовал отправиться в одну из батарей, что формировались для отправки на фронт. В тот же вечер мы сели на пароход, чтобы утром прибыть в Казань и найти капитана, который жил рядом с казармами артиллерии. Его дом, по облику — швейцарское шале, стоял в центре красивого парка, называемого «Швейцария». Но его батарея была уже укомплектована, он обещал порекомендовать меня другому командиру и дать ответ на другой день.

На следующий день он представил меня подполковнику Павлову, чтобы тот принял меня в свою батарею. Тот проверил документы относительно моей военной службы, сказав, что представит их в штаб-квартиру Казани, дабы я смог сдать экзамен для получения звания офицера кавалерии: в военное время молодым людям, окончившим кадетскую школу, достаточно одного года для получения звания офицера. В ожидании решения он разрешил мне расположиться в казарме при условии, что я буду время от времени справляться обо всём у него или у его подчинённого лейтенанта Кузнецова, с которым мне предстояло познакомиться. Это был молодой офицер, находившийся в Казани по причине контузии на фронте. Он предоставил мне положенный отпуск для решения семейных проблем, и я в амуниции появился в Юрманке к великому удивлению моей семьи.

Слух о моей мобилизации очень быстро разлетелся по окрестностям, и крестьяне оставили меня в покое, решив, что я нахожусь далеко от дома. Я смог, наконец, отдохнуть, совершая конные прогулки с моей женой. Мы

обсуждали всевозможные планы нашего будущего, так как не знали, сколько времени я пробуду в Казани. Я настаивал на как можно более позднем возвращении в Симбирск, по крайней мере, в сентябре, чтобы провести там зиму. С этим желанием я написал моему другу Гансу Якобу, с просьбой о расширении дома и окончании строительных работ до нашего приезда.

В течение 1915–1916 годов я продал большой участок леса компании, которая строила железную дорогу на Бугульму. После известия о революции крестьяне Репьёвки прекратили валить лес, завладели всеми спиленными деревьями. Они также подстрекали и крестьян Юрманки вырубать участок леса в четырёх километрах от деревни. Однако я не использовал этот участок леса, потому что почва в том месте была песчаная, а лес служил защитным экраном для пашни от ветра и разносимого им песка. Один из экранов был уже вырублен кучкой подкупленных крестьян.

Оценив ситуацию, я велел оседлать лошадь и в сопровождении Фёдора отправился в эти места. Крестьяне так были поглощены работой, что заметили меня, только когда я оказался среди них. Мой приезд их взволновал, они (их было примерно человек 20) смотрели на меня с видом провинившихся детей. Я сошёл с лошади и спросил, кто им разрешил вырубать лес. Они мне ответили, что не только разрешил, а заставил новый репьевский комитет, который угрожал отдать лес другим общинам. Я им объяснил все негативные последствия такой вырубки для общины, так называемого собственника, или для меня, если в один прекрасный день всё вернётся в прежнее состояние и они вынуждены будут возместить мне все издержки. Такое простое объяснение убедило крестьян. Они ушли из леса, пообещав, что больше никогда не тронут эти заслоны. И действительно, за время нашего пребывания в Юрманке, никто больше не предпринимал таких попыток.

В конце июля я был вызван в Казань, и уже больше никогда не возвращался в Юрманку, место, где я собирался умереть и которое не хотел никогда покидать. Моя семья оставалась там ещё какое-то время, но недолго. Жизнь в деревне перестала быть безмятежной, как раньше.

Перевод с французского
Елены Мироновой,
кандидата филологических наук,
доцента кафедры романо-германских
языков УлГПУ

1. Шлиппенбах фон Андрей Павлович (1878–1837). Барон. До революции в чине коллежского асессора служил земским начальником 5 участка (1914 г.) Карсунского уезда, член уездного земского суда Симбирской губернии.